

Глава 1

Они ведь делают это целыми днями. Так уж устроены вещи. Клинт не совсем понимает значение иронии — а Наташа пытается объяснить ему, но кажется, всё бестолку. Но зато он был очень осведомлен в другом. То чувство, когда ты просто знал, как что-то пойдет, а оно шло именно так, точно в центр, в яблочко, не отклонившись ни на долю дюйма. Ни иронии, ни шока, ни поворота, кроме того, насколько чертовски очевидно было то, что вселенная не проявила ни малейшей изобретательности, играя в свои дерьмовые игры.

Он думал, что это исключительно южная концепция — и может быть, немного русская, из-за того, как они болтали о трагедии. Может быть, поэтому они с Наташей так хорошо ладили.

Именно из-за отсутствия иронии было так уместно, что он объехал весь мир пару дюжин раз, побывал здесь, там и везде, а теперь собирался умереть в забытой пыльной дыре, на фоне которой Старый Дирфоллоу, штат Алабама, выглядит как курортный город.

Вступи в армию, посмотри мир, получи пулю. Прямо как где-нибудь в двух кварталах оттуда, если заменить бородатых деревенских фундаменталистов бородатыми чеченскими сепаратистами.

Не то чтобы он был подстрелен. Зато Наташа была. Его едва задела, но она получила одно ранение в грудь и одно в ногу, и всё было так плохо, что она уже теряла сознание.

Что и привело его в какую-то дерьмовую лачугу, которую разбомбили, хоть та и так была дерьмовой лачугой. Алюминиевый сайдинг был взорван, и это было ненадежное собрание стен и потолка, которое, подобно маршу «Захвати Уолл-стрит», не имело единства и еще меньше понимало своё назначение. Всё, что на самом деле делало это дерьмо, — это то, что никто другой не мог увидеть его и Наташу. Потому что, если Наташа умирает, он уж точно не выжил бы.

«Будь со мной», — сказал он ей. В умеренном кризисе адреналин дал бы вам сообразительность. В крупном кризисе вы бы использовали клише. «Держи меня за руку. Наташа. Сожми, чтобы я знал, что ты все еще здесь».

Клинт видел, как взрослые мужчины хныкали, когда в них попадали, ветераны, покрытые шрамами в боях. Это была просто природа зверя. Он и сам это чувствовал. Человеческие технологии произвели ощущение, которое человеческое тело чувствовать не должно: разорванные нервы в разорванной плоти, сломанные кости, разорванные внутренности, даже жжение от прохождения пули через плоть. Это был ад на земле. Наташа хорошо выглядела, но и она не была суперсолдатом. Она игнорировала боль, заставила свое хорошо дисциплинированное тело ощущать только давление удара.

Теперь ударила боль, и она сжала его руку. Боль граничила с эйфорией. Она плакала, нос был полон соплей, гримаса застыла на её лице.

Черт, он и не знал, что она может выглядеть менее гламурно. Она выдержала удары от парней, которые могли бы охранять дверь в клубе в виде вышибал, получала небольшие царапины и никаких синяков. Участвовала в поножовщине, и у нее остались порезы, которые подчеркивали ее скулы. Но это была боль. Не выносливость, не сила, просто боль. Ничего красивого в боли.

Эндогенные катехоламины — гормоны эйфории — проникли в ее организм, чтобы заглушить боль и заменить потерянную кровь. Это была одна из немногих вещей, которые Клинт знал лучше, чем она. Он был боксерской грушей, пиньятой, практиковался в отбивании мяча, пока Наташа уворачивалась от ударов. Он знал, как справиться с болью. Наташа умела её подавить. Это шло до того, что биология повернулась к ней и сказала ей, что у нее открылось второе дыхание. Как будто она играла в гребаный теннис.

«Я в порядке», — сказала Наташа. «Я в порядке, в порядке...»

«Нет», — возразил Клинт, прижимая ее к спине, когда она пыталась сесть — последнее, что ему было нужно, это еще больше усугубить ее раны.

«Было и хуже... серьезно...»

«Нет, у меня было и хуже. Поверь мне. С такими ранами нужно в больницу. Только здесь нет больниц».

Наташа запрокинула голову и попыталась вызвать ту безмятежность, от которой некоторые люди принимали её за холодную стерву. «В следующий раз, когда будем бронировать отпуск, убедитесь, что там есть больницы».

«Да, мэм».

«Больницы с обезболивающими...»

«Я был во многих больницах, Наташа. Должно быть, чего-то да набрался там...»

«ЗППП?» — спросила его Наташа. Она была достаточно сумасшедшей, чтобы улыбаться. Он положил руку ей на плечо, на которое она не перевернулась, и быстро погладил ее вверх-вниз, пытаясь заставить ее чувствовать себя сквозь боль и замешательство.

«Ты должна сохранять спокойствие. Не двигайся. Мы держим твоё кровяное давление на низком уровне».

«Хочешь подарить мне мой коврик для йоги?»

Клинт стянул куртку, накинул ее на нее, зная, что к тому времени, когда он закончит, на ней

останутся пятна крови. Два огнестрельных ранения, одно в ногу, одно в туловище. Во-первых, туловище. Он взял одну из ее рук, набил ее тряпкой и прижал к ране.

«Дави сюда, я перевяжу». Сняв ремень, обмотав ее раненую ногу, он натянул ремень как жгут. «Хорошо, дело дрянь. Помочь?» Она подняла свободную руку. Он взял его свободной рукой, провел тупым большим пальцем по нежной ткани между ее большим и указательным пальцами. Пальцы были тонкими, ладонь маленькой, жесткая рубцовая ткань на костяшках пальцев удивляла своей мягкостью. Затем он опустил ее раненую ногу на опрокинутый табурет, оставил так, чтобы рана была выше ее сердца.

Наташе это совсем не понравилось. Ее дыхание с шипением входило и выходило из нее, скованное и напряженное, ее легкие работали, как двигатель без бензина. Он держал ее сжатую руку в своей, когда она содрогалась от сильнейшей боли, ее другая рука сжимала ее рану, усиливая боль, он не мог ничего сделать, чтобы уменьшить ее.

«Хорошо, малышка, дыши. Ты отлично справляешься. Тебе просто нужно продолжать еще немного, и тогда мы закончим, хорошо?» Ответа не последовало. «Хорошо, милая?»

Наташа заморгала, как утенок, пытающийся взлететь. «Да... да... надо, надо...»

«Давящая повязка, вот и все. Тогда мы закончим, хорошо, я обещаю».

«Ммм-хм». Бормотание Наташи было слабым, почти детским в своем жалком упрямстве. Он быстро погладил ее по щеке, сгорая от жара, желая рассказать ей о своей чертовой гордости за то, какой она сильной, какой удивительной она была, но на это не было времени.

Он проверил ее рану на ноге. Кровотечение остановилось, отлично, черт возьми, наконец-то повезло. Он взял свою фляжку, почти машинально двинулся ее чистить, прежде чем посмотреть на Наташу — даже сейчас трудно было не думать о ней как о какой-то машине, терминаторе, собранном из металла, а не испуганной девочке.

Он действительно посмотрел на нее, увидел, как она слегка подняла свободную руку, подумал, не спрашивает ли она, к черту ее, он протянул руку и крепко сжал ее, поливая рану водой, промывая ее одной рукой, а затем убрал руку. наложить давящую повязку. Только когда он перестал держать ее за руку, она захныкала.

Рана на груди, все еще кровоточащая, ему пришлось оторвать ее руку. Он отбросил тряпку — Боже, она была кровавой, более красной, чем что-либо, что он когда-либо видел, яркого оттенка, которого он не считал кровью. Он наложил новую повязку, и Наташа замолчала, как бы в напряжении, — не обычное товарищеское молчание, а что-то напряженное и страдальческое, молчание, дрожащее внутри нее, как крик. Он добавил дополнительные слои марли, почти всю, они путешествовали так чертовски легко, и закрепил изолентой изо всех сил, чувствуя на себе взгляд Наташи, ищущий, отчаянный. Но это остановило кровотечение, слава богу, слава богу...

Ранение в ногу, хорошо. Ранение в грудь, хорошо. Теперь ему оставалось только опасаться шока. Обычно это было бы последней вещью, о которой он беспокоился бы с Наташей, но она боролась с собственным телом из-за этого. Потеря крови, закупорка дыхательных путей и тошнотворно-сладкий адреналин, стучащий по ее внутренностям, — все это попытки ее вылечить, все бесполезно.

Это заставило Клинта стиснуть зубы от ярости. Какого хрена она здесь делает, на этом теле не должно быть шрамов, оно должно быть в журналах, она должна быть чертовой поп-звездой, даже если она не может взять ни одной ноты, она должна нести чушь в программе «Доброе утро, Америка», а не всё это. Она не должна быть настолько сломлена, что единственный способ прожить свою жизнь — еще больше сломать себя.

«Тепло», сказала Наташа твердо, но оторвано от своей обычной прямоты. Это звучало почти так, как будто она уверенно произносила слово. «Шок... потеря крови... жар».

Теперь Клинт вспомнил. Он должен был согреть ее, и не только своей курткой. Не с тем, как зимы проникают в эти чертовы заводы. Он полез в свой рюкзак. Им ничего не хватало, но у них было несколько хипакетов, и он использовал их все, превратив около пяти квадратных футов комнаты в сауну.

Это продолжалось недолго — трое из них тут же облажались, а остальным трем он не доверял. Он лег рядом с Наташей, не думая об этом, заключил ее в свои объятия, заботясь только о том, чтобы не усугубить ее раны. Ранение в грудь было высоко на ее туловище. Он обхватил ее одной рукой за живот, другой за плечи, бицепс поддерживал ее голову. Прижал ее к себе, как собаку, которую везут к ветеринару.

Артериальное давление тоже. Он должен был успокоить ее. Он должен был дать ей понять, что она не одна, и это не имело ничего общего с кровью, он просто слишком хорошо знал, каково это быть раненым и умирать, и быть за миллион миль, так что это было так, как будто всем было все равно. Одно дело думать, что им не все равно, другое знать.

Он уложил волосы Наташи в привычную для нее прическу, вытер пот со лба, снова взял ее руку и потер ее между пальцами, гадая, чувствует ли она это. В конце концов, какое бы достоинство он ни защищал, свое или ее, исчезло. Он гладил ее по волосам. Он погладил ее по спине. Он говорил с ней мягко, скромно, говоря ей, что все будет хорошо, и что все будет хорошо, и что все будет хорошо. Он называл ее малышкой, возлюбленной и любимицей, не зная, всегда ли он думал о ней именно так или эти имена были рождены в крови. Он дал ей глоток воды с тем небольшим количеством воды, которое не использовал для промывания ее ран, а именно тем, что, по его мнению, она могла удержать. Он держал ее так, чтобы она знала, что он не отпустит ее.

Сначала она была напряжена, сжата еще крепче, чем выглядела, но с какой-то ужасной бесчувственностью. Как будто в ней было какое-то ядро гневного упрямства, удерживающее ее вместе, и ее конечности, ее лицо, они были в самых дальних пределах этой центральной силы, вялые и бесцельные с малейшим ее следом.

Забавно, однако, то, что, когда она еще больше расслабилась, когда эта скованность отступила в нее, он подумал, что это происходит сознательно. Она расслабилась, но исчезновение напряжения было ее выбором, ее сознательным выбором, принятием утешения, которое он ей давал. Она немного тряслась, слышно дышала с сознательным напряжением, но занималась собой, а не втягивалась внутрь, как будто ее душа была в полном уединении.

Он чувствовал ее рядом с собой, когда держал ее, неподвижноеместилище его заботы и внимания, но притягивающее все, что только можно.

<http://tl.rulate.ru/book/403/3883>